

Содержание

Вступление в книгу.	3
Время слепых дождей	6
«Время, бесстрашный художник...»	8
Воспоминанье об оранжевых абажурах.	11
«Музыка, свет неближний...»	13
Иронический человек	15
«Утро — вечер, утро — вечер, день и ночь...»	17
Как показать лето.	19
Сон о забытой роли	21
«Собирались наскоро...»	24
«Горящими листьями пахнет в саду...»	25
Время улетающих птиц	27
«Я медленно учился жить...»	30
Квадратный человек	32
Как показать осень.	34
Сон о рояле	37
«Эта тряска, эта качка...»	41
«Сколько нужных слов я не сказал...»	43
Время зимних метелей.	45
Новый год у Дуная	48
Воспоминанье о Нибелунгах	50
Дети	52
«Завидую, кто быстро пишет...»	54
Как показать зиму	56
Диалог у новогодней елки	58
«Была зима, как снежный перевал...»	60
Сон о дороге.	62
Тревожное отступление	65
Второе тревожное отступление.	68
Время раскрывающихся листьев.	70
Воспоминанье о санках	73
Как показать весну.	75
Сон об уходящем поезде	78
Воспоминанье о цветных стеклах	80

«Отмечая времени быстрый ход...»	82
«Когда земля уже качнулась...».	85
«Давно ли покупали календарь...»	86
Пробужденье.	88
Проторенье дороги	90
«Всего и надо, что взглядеться, — боже мой...» . . .	93
Попытка убыстренья	95
«Не руки скрещивать на груди...»	96
Гибель «Титаника»	98
Попытка оправдания	100
«Светлый праздник бездомности...».	102
Ялтинский домик.	104
Человек, строящий воздушные замки	106
«Замирая, следил, как огонь подступает к дровам...».	109
«Как зарок от суесловья, как залог...»	111
Годы.	113
Белая баллада	115
«Окрестности, пригород — как этот город зовется?..»	117
Молитва о возвращенье	119
Плач о майоре Ковалёве	121
Плач о господине Голядкине.	124
«Дня не хватает, дни теперь все короче...».	127
«Были смерти, рожденья, разлады, разрывы...». . .	129
Попытка утешенья	131
«Я был приглашен в один дом...»	133
«Красный боярышник, веточка, весть о пожаре...»	136
«Все уже круг друзей, тот узкий круг...»	139
«Окна домов...»	141
«Древнее, неразгаданное пространство...»	143
Человек, похожий на старую машину	145
Ледяная баллада.	147
«Промельк мысли. Замысел рисунка...»	149
Ars poetica	151
«К птичьему прислушиваюсь крику...»	153

О свободном стихе	155
«Я люблю эти дни, когда замысел весь уже ясен...»	157
Полночное окно	159
Рубеж	161
«Сам платил за себя, сам платил, никого не вина...»	163
«Говорили — ладно, потерпи...»	164
«Часы и телефон...».	166
«Как медленно тебя я забывал!..»	168
«Что делать, мой ангел, мы стали спокойней...» .	170
Человек, отличающийся завидным упорством . .	172
Словно книга...	174
«Когда я решил распрощаться уже и проститься...»	176
«Каждый выбирает для себя...».	178
«Кровать и стол, и ничего не надо больше...» . .	179
«Что я знаю про стороны света?..»	182
«В ожидании дел невиданных...».	184
Мое поколение	186
Кое-что о моей внешности	188
Земля	190
Мое воскресение	192
Флаги	194
Смерть	195
Элегия	196
«Мучительно хочется рисовать...»	198
Женщина, которой ничего не нужно	201
«Кто-нибудь утром проснется сегодня и ахнет...»	203
«Если бы я мог начать сначала...»	205
Луковица	207
Рисунок.	209
«Вот мною не написанный рассказ...»	211
Уроки истории	213
Отец	215
Снег этого года	217

«Ну что с того, что я там был...»	219
Самоуверенный человек	221
Вальс на мотив метели	223
Зимний пейзаж	225
Популярность	227
Сто друзей	229
Музыка	230
«Шампанским наполнен бокал...»	232
Память	234
Ожидание Катерины	238
«Падают листья осеннего сада...»	240
«Так дни неслись, так быстро время мчалось...»	241
Ворон	243
«Как бьют часы! Со счета можно сбиться...»	245
«Катя, Катя, Катерина...»	247
«Настежь ворота, не заперта дверь...»	249
«Еду в поезде, в самолете лечу...»	251
«Сперва вдали едва гремело...»	252
«Как мой дом опустел, все уехали, дом обезлюдел...»	254
«Нет, не бог всемогущий, всего только маленький...»	256
«Бывает ли это теперь...»	258
«В будапештской гостинице, в номере, на стене...»	260
«Пред вами жизнь моя — прочтите жизнь мою...»	262
Вопросы	263
«Мундиры, ментики, нашивки, эполеты...»	266
«Снег валил до полуночи, рушился мрак...»	268
«Освобождаюсь от рифмы...»	270
«Меж двух небес...»	272
«Этот поздний рассвет обнажил и ясней обозначил...»	274
«А что же будет дальше, что же дальше...»	276
«Время белых стихов, белизна, тихий шаг снегопада...»	278

«Кто-то упрямо и властно...»	281
«Делаю то, что должен...»	283
«Изо всего, что видел...»	285
«Я полагаю, Пушкин, говоря...»	288
«Ночью проснулся от резкого крика «Спасите!»...»	290
«Как в море монетку...»	291
Современная быль о рыбаке и рыбке.	293
«День все быстрее на убыль...»	295
«Скрипка висит у меня на стене...»	297
Мои доктора.	300
«Зачем послал тебя Господь...»	303
«Жить среди книг...»	305
Предзимье	308
«Свеченье протуберанцев...»	310
Это я...	311
«Не изменить цветам, что здесь цветут...»	313
Эволюция	314
Новогоднее послание Арсению Александровичу Тарковскому	316
«Музыка моя, слова...»	319
«Кто-то верно заметил...»	320
Сумасшедшее такси	322
Как живут поэты	324
«Кругом поют, кругом ликуют...»	325
Стихотворение философско-ироничное, где иронического, впрочем, больше, чем философского	327
«Я видел вселенское зло...»	329
«Это Осип Эмильич шепнул мне во сне...»	331
Послание юным друзьям	333
«В том городе, где спят давно...»	335
«За то, что жил да был...»	337
«Белые, как снег, стихи...»	339
«Когда на экране...»	342
Прощание с книгой	345

ВСТУПЛЕНИЕ В КНИГУ

Это город. Еще рано. Полусумрак, полусвет.
А потом на крышах солнце, а на стенах еще нет.
А потом в стене внезапно загорается окно.
Возникает звук рояля. Начинается кино.

И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной.
Ах, механик, ради бога, что ты делаешь со мной!
Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
заставляет меня плакать и смеяться два часа,
быть участником событий, пить, любить,

идти на дно...

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Кем написан был сценарий? Что за странный
фантазер
этот равно гениальный и безумный режиссер?
Как свободно он монтирует различные куски
ликованья и отчаянья, веселья и тоски!

Он актеру не прощает плохо сыгранную роль —
будь то комик или трагик, будь то шут или король.
О, как трудно, как прекрасно действующим быть
лицом
в этой драме, где всего-то меж началом и концом
два часа, а то и меньше, лишь мгновение одно...

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Я не сразу замечаю, как проигрываешь ты
от нехватки ярких красок, от невольной немоты.
Ты кричишь еще беззвучно. Ты берешь меня сперва
выразительностью жестов, заменяющих слова.
И спешат твои актеры, всё бегут они, бегут —
по щекам их белым-белым слезы черные текут.
Я слезам их черным верю, плачу с ними заодно...

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Ты накапливаешь опыт, и в течение этих лет,
хоть и медленно, а все же обретаешь звук и цвет.
Звук твой резок в эти годы, слишком грубы голоса.
Слишком красные восходы. Слишком синие глаза.
Слишком черное от крови на руке твоей пятно...

Жизнь моя, начальный возраст, детство нашего
кино!
А потом придут оттенки, а потом полутона,
то уменьье, та свобода, что лишь зрелости дана.
А потом и эта зрелость тоже станет в некий час
детством, первыми шагами тех, что будут после нас
жить, участвовать в событиях, пить, любить,
идти на дно...

Жизнь моя, мое цветное, панорамное кино!
Я люблю твой свет и сумрак — старый зритель,
я готов
занимать любое место в тесноте твоих рядов.
Но в великой этой драме я со всеми наравне
тоже, в сущности, играю роль, доставшуюся мне.
Даже если где-то с краю перед камерой стою,
даже тем, что не играю, я играю роль свою.
И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,

как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
как сплетается с другими эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожалению, ничего не изменить,
потому что в этой драме, будь ты шут или король,
дважды роли не играют, только раз играют роль.
И над собственной ролью плачу я и хохочу.

То, что вижу, с тем, что видел, я в одно сложить
хочу.

То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать
в одно,
жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!

ВРЕМЯ СЛЕПЫХ ДОЖДЕЙ

Фрагменты сценария

Вот начало фильма.
Дождь идет.
Человек по улице идет.
На руке — прозрачный дождевик.
Только он его не надевает.
Он идет сквозь дождь не торопясь,
словно дождь его не задевает.
А навстречу женщина идет.
Никогда не видели друг друга.
Вот его глаза.
Ее глаза.
Вот они увидели друг друга.
Летний ливень. Поздняя гроза.
Дождь идет,
но мы не слышим звука.
Лишь во весь экран — одни глаза,
два бездонных,
два бессонных круга,
как живая карта полушарий
этой неустроенной планеты,
и сквозь них,
сквозь дождь,
неторопливо

человек по улице идет,
и навстречу женщина идет,
и они
увидели друг друга.
Я не знаю,
что он ей сказал,
и не знаю,
что она сказала,
но —
они уходят на вокзал.
Вот они под сводами вокзала.
Скорый поезд их везет на юг.
Что же будет дальше?
Будет море.
Будет радость
или будет горе —
это мне неизвестно пока.
Место службы,
месячный бюджет,
мненья,
осужденья,
сожаленья,
заявленья
в домоуправленье —
это все не входит в мой сюжет.
А сюжет живет во мне и ждет,
требуется развития,
движенья.
Бьюсь над ним
до головокруженья,
но никак не вижу продолженья.
Лишь начало вижу.
Дождь идет.
Человек по улице идет.

* * *

Время, бесстрашный художник,
словно на белых страницах,
что-то все пишет и пишет
на человеческих лицах.

Грифелем водит по коже.
Перышком тоненьким — тоже.
Острой иглою гравера.
Точной рукою гримера...

Таинство света и тени.
Стрелы, круги и квадраты.
Ранние наши потери.
Поздние наши утраты.

Черточки нашего скотства.
Пятна родимые страха.
Бремя фамильного сходства
с Богом и с горсточкой праха.

Скардность наша и щедрость.
Суетность наша и тщетность.
Ханжество или гордыня.
Мужество и добродетель...

Вот человек разрисован
так, что ему уже больно.
Он уже просит:

— Довольно,
видишь, я весь разрисован!

Но его просьбы не слышит
правды взыскующий мастер.
Вот он отбросил фломастер,
тоненькой кисточкой пишет.

Взял уже перышко в руку —
пишет предсмертную муку.
Самый последний штришочек.
Малую черточку только...

Так нас от первого крика
и до последнего вздоха
пишет по-своему время
(эра, столетье, эпоха).

Пишет в условной манере
и как писали когда-то.
Как на квадратной фанере
пишется скорбная дата.

Отсветы. Отблески. Блики.
Пятна белил и гуаши.
Наши безгрешные лики.
Лица греховные наши...

Вот человек среди поля
пал, и глаза опустели.
Умер в домашней постели.
Выбыл из вечного боя.

Он уже в поле не воин.
Двинуть рукою не волен.
Больше не скажет:
— Довольно! —
Всё. Ему больше не больно.

ВОСПОМИНАНЬЕ ОБ ОРАНЖЕВЫХ АБАЖУРАХ

В этом городе шел снег,
и светились оранжевые абажуры,
в каждом окне
по оранжевому абажуру.
Я ходил по улицам
и заглядывал в окна.
В этот город я вернулся с войны,
у меня было все впереди,
не было лишь квартиры,
комнаты,
угла,
кровать.
Снова и снова
ходил я по улицам
и заглядывал в окна.
Под оранжевыми абажурами
люди пили свой чай
с послевоенным пайковым хлебом.
Оранжевые абажуры были моей мечтой,
символом
всей несправедливости мира,
в котором,
как мне казалось,

лишь у меня одного
не было никакого пристанища,
комнаты,
угла,
крова.

У меня было все впереди,
все впереди настолько,
что я не мог оценить размеров
своего богатства.

— Скажите, пожалуйста, —
спрашивал я, —
здесь не сдается угол? —
А в городе шел снег,
и светились оранжевые абажуры,
оранжевые тюльпаны
за тюлевой шторкой метели,
оранжевая кожура мандаринов
на новогоднем снегу.